

Я.С. Ядгаров

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОРТОДОКСИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ XX СТОЛЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОВВЕДЕНИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И НЕОКЛАССИЦИЗМА

Аннотация. В статье с историко-экономических позиций рассматриваются методологические и теоретические нововведения институционализма и неоклассицизма, благодаря которым в XX столетии экономическая наука преодолела ортодоксальные начала в своем развитии, проявлявшиеся в постулировании идей чистой теории, совершенной конкуренции и свободного ценообразования, саморегулируемости (благодаря «объективным экономическим законам») хозяйственной жизни.

Ключевые слова. Ортодоксия в экономической науке, институционализм, неоклассицизм, монополистическая конкуренция, государственное регулирование экономики, социально ориентированная экономика, нобелевские лауреаты по экономике.

Ya. S. Yadgarov

*Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

THE OVERCOMING OF XX CENTURY ECONOMIC SCIENCE' ORTHODOXY THROUGH THE PRISM OF INSTITUTIONALISTIC AND NEOCLASSICAL INNOVATIONS

Abstract. The article revealed methodological and theoretical innovations of institutionalism and neoclassicism from the historical and economic views which assist-

ed XX century economic science to overcome orthodox elements in its development which appeared in postulating ideas of pure theory, perfect competition and free pricing, self-regulating (owing to the «objective economic laws») of economic life.

Keywords. Orthodoxy in economic science, institutionalism, neoclassicism, monopolistic competition, government regulation of the economy, socially oriented economy, Nobel laureates in economics.

Исторические предпосылки преодоления ортодоксии в экономической науке XX столетия

С возникновением на рубеже XVII–XVIII вв. классической политической экономии на протяжении двух последующих столетий, то есть практически до конца XIX — начала XIX в. в экономической науке господствовали пропагандируемые ее представителями ортодоксальные постулаты и теоретико-методологические положения, базирующиеся на принципах *laissez faire* (экономического либерализма). Даже маргинальная революция конца XIX столетия и последующее зарождение неоклассицизма, ставшего альтернативой классической политической экономии, не способствовали преодолению ортодоксальных начал в данной отрасли человеческих знаний.

Современное научное экономическое сообщество, характеризуя сформировавшееся к 1920–1930-м гг. социально-институциональное направление экономической мысли (или, что одно и то же, институционализм), рассматривает его в качестве первой реальной альтернативы раннему — ортодоксальному — неоклассическому направлению экономической мысли. Затем почти одновременно с данной метаморфозой в новейшей истории экономической науки период до и после мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. ознаменовал собой феномен еще одной качественной метаморфозы, связанной с началом нового — неортодоксального этапа в эволюции собственно неокласси-

ческого направления экономической мысли — неоклассицизма.

Приверженцы институционализма и обновленного (неортодоксального) неоклассицизма на протяжении XX в. смогли ввести в научный оборот ряд новых методологических и теоретических доктрин и концепций, обеспечив тем самым преодоление ключевых аспектов ортодоксии в экономической науке всего предшествующего периода. Ведь беспрецедентное повсеместное распространение принципов экономического либерализма от первых представителей классической политической экономии в конце XVII — начале XVIII в. и затем физиократов и смитианцев в середине и второй половине XVIII в. еще более усилилось стараниями многочисленных либеральных последователей Рикардо — Милля — Маршалла в XIX в. В результате идеология всемерной либерализации всех сфер, отраслей и звеньев хозяйственной жизни почти два столетия кряду являлась основополагающей составляющей тогдашнего либерального мейнстрима в экономической науке и проявляла себя в творческом наследии подавляющего большинства либеральных ученых-экономистов.

Можно с полным основанием утверждать, что от У. Петти в конце XVII в. и до А. Маршалла в конце XIX — начале XX в. суть ортодоксальных сентенций приверженцев доктрины *laissez faire* сводилась к таким постулатам, как:

- хозяйственная жизнь представлена главным образом мотивациями «экономического человека» (по сути, человека-фантома) и движима «невидимой рукой», проявляющей себя в неотвратимом действии независящих от воли и сознания людей неких объективных экономических законов;

- при условии невмешательства государства в хозяйственную жизнь цены, зарплата и процентная ставка всегда гибки, национальная экономика функцио-

нирует как саморегулируемая система, а конкуренция между экономическими субъектами совершенна;

- экономические кризисы происходят всегда на частном уровне – уровне отдельных товаров или отдельных отраслей и сфер хозяйствования, и поэтому имеют неизменно временный и преходящий характер.

Одновременно следует отметить, что во временном аспекте эволюцию мировой экономической мысли от возникновения в экономической науке ортодоксальных начал и до их преодоления (от ортодоксии классической политической экономии и вплоть до преодоления в XX столетии ортодоксальных начал в этой отрасли человеческих знаний) целесообразно рассматривать через призму трех эпох. Это: 1) эпоха дорыночной экономики; 2) эпоха нерегулируемой рыночной экономики; 3) эпоха регулируемой (социально ориентированной) рыночной экономики (рис. 1).

Рис. 1. Этапы (эпохи) развития мировой экономической мысли

Говоря о вкладе институционализма в решение проблем по преодолению ортодоксии в экономической науке XX столетия, необходимо, прежде всего, четко осмыслить сущность и взаимообусловленность процессов хозяйственной жизни с учетом возникших накануне и после мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. принципиально новых экономических доктрин. В их числе важнейшими являются, конечно же, теории и реформаторские концепции, направленные на обеспечение социального контроля общества над экономикой таких родоначальников американского институционализма как Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. К. Митчелл.

Вклад неоклассицизма в решение проблем преодоления ортодоксии в экономической науке XX в. обусловлен, прежде всего, возникновением теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина и теории несовершенной конкуренции Дж. Робинсон. В этих теориях впервые были приняты во внимание феномен модификации экономики свободной конкуренции в преимущественно монополистическую экономику, а также последствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. В частности, Э. Чемберлин ввел в научный оборот популярные и ныне понятия «монополистическая конкуренция» и «дифференциация продукта», обосновал определяющую роль в процессе усиления монополистической конкуренции (конкурентной борьбы) между фирмами и другими хозяйствующими субъектами неценовых (реальных и воображаемых) факторов, как-то: совершенствование качества продукта и реклама. С его же именем связана так называемая «реориентация теории стоимости» посредством введения в научный оборот поведенческой теории стоимости, базирующейся на концепции определяющей роли при формировании стоимости фактора поведения (предпочтения) индивидуального и коллективного потребителя в условиях «дифференциации продукта».

Важной вехой в преодолении ортодоксии раннего неоклассицизма явились возникшие после мирового экономического кризиса кейнсианские и неолиберальные теории государственного регулирования экономики. В них не только отвергаются постулаты смитовской концепции об «экономическом человеке» и учения о «чистой» экономической теории и совершенной конкуренции, но и обосновывается положение о целесообразности и возможности учета влияния на хозяйственную жизнь поведения и психологии человека, государства и государственных институтов, то есть многообразных факторов неэкономического свойства. Широкое распространение этих теорий стало важнейшим этапом в завершении формирования современных теоретико-методологических оснований экономической науки, связанных с переоценкой и качественным обновлением методологических и теоретических ценностей ортодоксального (раннего) неоклассицизма посредством опровержения идей «чистой» экономической теории и обоснования альтернативного аналитического и теоретического инструментария исследований на уровне экономики в целом (макроуровне).

Наконец, особое внимание следует обратить на процесс постепенного сближения непримиримых и полярных прежде позиций теоретических школ, течений и направлений экономической мысли, названный П. Самуэльсоном процессом «неоклассического синтеза». Именно в этом ключе очевиден неортодоксальный аспект эволюции экономической науки на современном этапе, в чем убеждают также достижения выдающихся ученых-экономистов в период последней трети XX в., в течение которого осуществляются присуждения Нобелевских премий по экономике.

В данном контексте можно признать, что основополагающими неортодоксальными достижениями институционализма и неоклассицизма в XX столетии явились:

- отказ от ортодоксальных концепций «классового анализа», «чистой» экономической науки и совершенной конкуренции;
- приоритет социально ориентированных теоретических концепций экономического роста;
- сближение полярных позиций школ и направлений экономической мысли как следствие процесса «неоклассического синтеза»;
- популяризация и мировое признание достижений лучших ученых-экономистов современности (награждение Нобелевскими премиями).

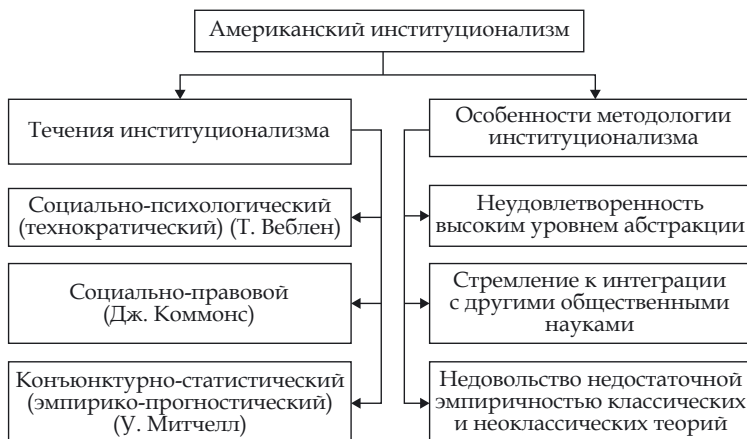
Ответы институционализма на проблемы, связанные с преодолением ортодоксии в экономической науке XX столетия

В начале XX в. ученые-экономисты США, активизировав анализ усилившихся монополистических тенденций в экономике и содействуя «антитрестовской» политике собственной страны, обрели статус лидеров концепции социального контроля над экономикой, осуществляемого разнообразными методами. Их теории положили начало новому направлению экономической мысли — институционализму, ставшему альтернативой неоклассическому направлению экономической теории (рис. 2).

Если неоклассики исходят из смитианского тезиса о совершенстве рыночного хозяйственного механизма и саморегулируемости экономики и придерживаются «чистой экономической науки», то институционалисты движущей силой экономики наряду с материальными факторами считают также духовные, моральные, правовые и другие факторы, рассматриваемые в историческом контексте.

Институционалисты в качестве предмета своего анализа выдвигают как экономические, так и неэкономические проблемы социально-экономического развития, а объекты исследования — институты — не

подразделяют на первичные или вторичные и не противопоставляют друг другу.

Рис. 2. Социально-институциональное направление экономической мысли (американский институционализм)

Не случайно американский экономист и историк экономической мысли Роберт Л. Хайлбронер, рассуждая о том, что современная экономическая теория «превратилась в царицу социальных наук» и стала единственной отраслью «социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия», и говоря, что «экономическая наука наконец вышла за узкие пределы ее прежнего царства – царства производства и распределения – и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права», имеет, конечно же, в виду «заслуги» именно институционализма [9, с. 41].

Нечто подобное мы находим у М. Блауга, который пишет так: «Традиционная теория потребительского поведения... должна быть отвергнута в пользу широкой социально-экономической теории потребления. С различной степенью страстности этот род критики

вновь и вновь звучит со стороны сторонников американской институциональной школы, не говоря уже о марксистах». Кроме того, на его взгляд, стремление институционалистов «расширить поле исследования экономической науки» обусловило «недавно возникший интерес к кибернетике, исследованию операций, теории управления, теории организации и общей теории систем» [1, с. 330, 659].

Институционализм, таким образом, являет собой качественно новое направление экономической мысли. Он вобрал в себя лучшие теоретико-методологические достижения предшествовавших школ экономической теории, и, прежде всего, основанные на математике и математическом аппарате маржинальные принципы экономического анализа неоклассиков (в части выявления тенденций в развитии экономики и изменений конъюнктуры рынка), а также методологический инструментарий исторической школы Германии (для исследования проблем «социальной психологии» общества).

Во многом похожее суждение высказывает М. Блауг, по мнению которого, «пытаясь определить суть “институционализма”, мы обнаруживаем три черты, относящиеся к области методологии:

- неудовлетворенность высоким уровнем абстракции, присущим неоклассике, и в особенности статическим характером ортодоксальной теории цен;
- стремление к интеграции экономической теории с другими общественными науками, или “вера в преимущества междисциплинарного подхода”;
- недовольство недостаточной эмпиричностью классической и неоклассической теорий, призыв к детальным количественным исследованиям» [1, с. 657].

Труды американских институционалистов и их последователей объединяет антимонопольная направленность, идея учета влияния на экономический рост всей совокупности общественных отношений и необхо-

димости государственного вмешательства в экономику. Причем в последней части можно упомянуть требование усилить «контроль общества над бизнесом», вынесенное Дж. М. Кларком даже в заголовок своей книги, изданной в 1926 г. Как писал Ф. Хайек, «если монополии в каких-то сферах неизбежны, то лучшим является решение, которое до недавнего времени предпочитали американцы, — контроль сильного правительства над частными монополиями. Последовательное проведение в жизнь этой концепции обещает гораздо более позитивные результаты, чем непосредственное государственное управление» [8, с. 147].

Ответы неоклассицизма на проблемы, связанные с преодолением ортодоксии в экономической науке XX столетия

В начале XX в. процесс модификации экономики свободной конкуренции в монополистическую значительно ускорился и на Европейском континенте, где идеи экономического либерализма, провозглашающие полную свободу торговли (фритредерство) и рынков и другие положения о невмешательстве государства в экономику, перестали, так же как и в США, соответствовать реальной действительности.

Следствием усилившейся монополистической организации хозяйственной жизни стал продолжавшийся в течение 1929–1933 гг. мировой экономической кризис.

В этих условиях всесильный «закон рынков» Ж.-Б. Сэя, на который более ста лет опирались представители «чистой экономической теории» — вначале классики, а затем маржиналисты, утратил свое незыблемое значение. Несовершенная конкуренция вслед за институционалистами стала предметом исследования и у неоклассиков «новой волны». Причем, как выяснилось впоследствии, проблемы несовершенного рынка, представленного монополизированными структурами хозяйствующих субъектов, из чис-

ла представителей неоклассической экономической мысли почти одновременно рассмотрели в своих работах профессор Гарвардского университета Э. Чемберлин и профессор Кембриджского университета Дж. Робинсон. Их теории стали, несомненно, важным успехом ученых-экономистов XX в.

Итак, в 1933 г. на противоположных берегах Атлантики американец Э. Чемберлин и англичанка Дж. Робинсон издали свои книги, назвав их соответственно «Теория монополистической конкуренции» и «Экономическая теория несовершенной конкуренции» (рис. 3).

Рис. 3. Теории рынка с несовершенной конкуренцией

При всей несхожести данные произведения объединяют достаточно глубокий анализ и осмысление действия рыночного механизма при обстоятельствах, нарушающих (исключающих) условия свободной кон-

куренции. В частности, оба автора исходят из того, что рыночная цена складывается не при коллективных действиях участников рынка, так как неоднородность товарной продукции (дифференциация) лишает возможности полной информированности покупателей о ценах на нее, а фирм-производителей – конкурировать между собой из-за отсутствия выбора более эффективной деятельности.

Между тем и Э. Чемберлин и Дж. Робинсон основную причину нарушения равновесия в экономике по-прежнему рассматривают в «категориях» и «законах» экономической среды, в то время как для институционалистов несовершенная конкуренция является следствием влияния на экономический рост прежде всего «человеческого фактора», порождающего социально-психологические, правовые и другие проблемы общественного развития, в том числе в области экономики. На это, в частности, обращает внимание М. Фридмен. По его мнению, «теория несовершенной или монополистической конкуренции, развитая Чемберлином и Робинсон, является попыткой построить... более общую теорию... К сожалению, – продолжает он, – она не обладает ни одним из признаков, которые сделали бы ее действительно полезной общей теорией. Ее вклад был в значительной степени ограничен улучшением изложения экономической теории индивидуальной фирмы и, следовательно, выводом следствий из маршаллианской модели, усовершенствованием маршаллианского анализа монополии и обогащением словаря, пригодного для описания промышленной практики» [7, с. 147].

Но если говорить о значении теории монополистической конкуренции Э. Чемберлина с точки зрения ее содействия преодолению ортодоксии в современной ему экономической науке, то оно состоит, конечно же, во введенном им понятии «монополистическая конкуренция», ставшем альтернативой понятию «чи-

стая конкуренция». Ведь при монополистической конкуренции: рыночная структура представлена достаточно большим числом продавцов и на деятельность одной фирмы не влияет эффективность деятельности другой соперничающей с ней фирмы; покупатели предпочитают ту продукцию, разнородность которой обусловлена торговой маркой и прочими качественными характеристиками конкретного продавца; «дифференцированный продукт», т. е. ту или иную марку продукта, являющегося близким субститутом, имеет возможность производить любой «новый» продавец или, как говорят, «вход» в отрасль или в рынок группы товаров не ограничен.

Важно также учесть, что прежде «классики» и «неоклассики» решающим условием экономического роста считали чистую конкуренцию, и конкретная борьба допускалась только на слитом воедино рынке. А по теории Э. Чемберлина, конкуренция имеет место и в условиях монополии на базе «дифференциации продукта», когда у товаров одного и того же вида возникают особые свойства и покупатель получает возможность выразить свое предпочтение одному из товаров этого вида. В результате суждения Э. Чемберлина впервые навели исследователей ортодоксальных идей экономического либерализма на мысль о том, что не существует ни чистой конкуренции, ни чистой монополии, что монополистическая по своей сути конкуренция может иметь место и при достаточно большом количестве продавцов, обостряясь по мере увеличения взаимозаменяемости соперничающих товаров. Отсюда уместными становятся выводы о возможности в условиях монополистической конкуренции покупателю предпочесть один конкурирующий товар другому и одного продавца неэквивалентного одноименного товара другому продавцу.

Итак, по логике Э. Чемберлина, выдержать состязание с крупным хозяйствующим субъектом и быть

монополистом может и мелкий, либо средний продавец (торговец) и производитель, то есть монополия, вопреки марксистским критикам, не обязательно является следствием финансового контроля, концентрации производства и централизации капитала, ибо рыночной системе свойственны и усиливающие конкуренцию тенденции.

Возникшие накануне и в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. новые проблемы научных исследований вплоть до наших дней не теряют своей актуальности, ибо основное их содержание – это государственное регулирование рыночного хозяйства. С тех пор берут свое начало нацеленные на решение этих проблем теории, которые с высот сегодняшней науки правомерно подразделить на два направления. Одно из этих направлений опирается на учение Дж. М. Кейнса и его последователей, и рекомендуемые ими меры государственного вмешательства в экономические процессы называют, как правило, кейнсианскими. Другое направление обосновывает альтернативные кейнсианству концепции, авторов которых принято называть неолибералами (рис. 4).

По оценкам многих экономистов, книга Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» явилась поворотным пунктом в экономической науке XX в. и во многом определяет экономическую политику стран и в настоящее время. Ее главная и новая идея состоит в том, что система рыночных экономических отношений отнюдь не является совершенной и саморегулируемой и что максимально возможную занятость и экономический рост может обеспечить только активное вмешательство государства в экономику. Восприятие этой идеи прогрессивной общественностью как должной и правильной обусловлено, по словам современного американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта, тем что «к 30-м гг. (XX в. – Я. Я.) тезис о существовании конкуренции между многими фирмами, которые неизбеж-

но являются мелкими и выступают на каждом рынке, стал несостоятельным», поскольку «неравенство, возникающее в результате существования монополии и олигополии, распространяется на сравнительно узкий круг людей и в силу этого в принципе может быть исправлено вмешательством государства» [2, с. 40, 43].

Рис. 4. Кейнсианские и неолиберальные теории государственного регулирования экономики

Новаторство экономического учения Дж. М. Кейнса в части преодоления ортодоксии в области предмета изучения и в методологическом плане проявилось двояко. Во-первых, в предпочтении макроэкономического анализа микроэкономическому подходу, сделавшего его основоположником макроэкономики как самостоятельного раздела экономической теории.

И, во-вторых, в обосновании (исходя из некоего «психологического закона») концепции о так называемом «эффективном спросе», то есть потенциально возможном и стимулируемом государством спросе. Кстати, о последней известный историк экономической мысли Б. Селигмен пишет так: «Кейнс пришел к мысли о том, что первичным в достижении равновесия является эффективный спрос» [6, с. 495].

Опираясь на собственную, «революционную» по тем временам методологию исследования Дж. М. Кейнс в отличие от своих предшественников и наперекор господствовавшим экономическим воззрениям утверждал о необходимости недопущения с помощью государства урезания заработной платы как основного условия ликвидации безработицы, а также о том, что потребление ввиду психологически обусловленной склонности человека к сбережению, растет гораздо медленнее доходов.

Итогом своего исследования Дж. М. Кейнс считал создание качественно новой экономической теории. Последняя, на его взгляд, «указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе... Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами», ибо «именно в определении объема занятости, а не в распределении труда тех, кто уже работает, существующая система оказалась непригодной» [3, с. 428–429]. Вот почему, по убеждению Дж. М. Кейнса, «учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства... Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности» [3, с. 430].

Эффективность регулирования государством экономических процессов, на взгляд Дж. М. Кейнса, зависит от изыскания средств под государственные инвестиции, достижения полной занятости населения, снижения и фиксирования нормы процента. Он писал: «Рикардо и его преемники просмотрели тот факт, что даже в долгосрочном периоде занятость не обязательно стремится к уровню полной занятости, что уровень занятости может изменяться и что каждой отдельной банковской политике соответствует отличающийся от других уровень занятости. Таким образом, существует много состояний долгосрочного равновесия, соответствующих различным мыслимым вариантам процентной политики органа, регулирующего денежную систему» [3, с. 285].

Как полагал Дж. М. Кейнс, государственные инвестиции в случае их нехватки должны гарантироваться выпуском дополнительных денег, а возможный дефицит бюджета будет предотвращаться возрастанием занятости и падением нормы процента. Иначе говоря, в соответствии с концепцией Дж. М. Кейнса, чем ниже норма ссудного процента, тем выше стимулы к инвестициям, к росту уровня инвестиционного спроса, что, в свою очередь, расширяет границы занятости, ведет к преодолению безработицы. При этом исходным для себя он считал такое положение количественной теории денег, в соответствии с которым в реальной действительности «вместо постоянных цен при наличии неиспользованных ресурсов и цен, растущих пропорционально количеству денег в условиях полного использования ресурсов, мы практически имеем цены, постепенно растущие по мере увеличения занятости факторов» [3, с. 368].

Неолиберализм возник почти одновременно с Кейнсианством в 1930-е гг. как самостоятельная система взглядов на неортодоксальное осмысление проблемы государственного регулирования экономики. Неоли-

беральная концепция и в теоретических разработках и в практическом применении основывается на идее приоритета условий для неограниченной свободной конкуренции не вопреки, а благодаря определенному вмешательству государства в экономические процессы.

Если кейнсианство изначально считает осуществление мер активного государственного вмешательства в экономику, то неолиберализм — относительно пассивного государственного регулирования. По кейнсианским моделям предпочтение отдается совокупности государственных мер по инвестированию различных сфер экономики, расширению объемов правительственных заказов, закупок, ужесточению налоговой политики. Их крайнее проявление приводит, как очевидно из экономической истории, к дефициту государственного бюджета и инфляции.

Неолибералы выступают за либерализацию экономики, использование принципов свободного ценообразования, ведущую роль в экономике частной собственности и негосударственных хозяйственных структур, видя роль регулирования экономики государством в его функциях «ночного сторожа» либо «спортивного судьи». Представители неолиберальной концепции государственного регулирования экономики, памятуя напутствие Л. Эрхарда — «конкуренция везде, где возможно, регулирование — там, где необходимо», — доказали правомерность ограниченного государственного участия в экономических процессах и большего его содействия свободному и стабильному функционированию предпринимателей как условиям устранения неравновесия в экономике.

Уже в 1930-е гг. для противодействия кейнсианским идеям государственного регулирования экономики, ограничивающим систему свободной конкуренции, в ряде стран были созданы неолиберальные центры по выработке альтернативных мер государственного вмешательства в экономику, которые (меры) способство-

вали бы возрождению и практическому воплощению идей экономического либерализма. Наиболее крупные центры неолиберализма в Германии, США и Англии получили название соответственно Фрайбургской школы (ее лидеры – В. Ойкен, В. Рёпке, А. Гюстов, Л. Эрхард и др.), Чикагской школы, которую также называют «монетарной школой» (ее лидеры – Л. Мизес, М. Фридмен, А. Шварц и др.), Лондонской школы (ее лидеры – Ф. Хайек, Л. Роббинс и др.). Видными представителями неолиберальных идей во Франции явились экономисты Ж. Рюэфф, М. Алле и др.

Представители неолиберального движения еще в начале 1930-х гг. пытались выработать единую научно-практическую платформу. Общие в данной связи принципы неолиберализма были продекларированы в международном масштабе в 1938 г. на конференции в Париже. Этот форум неолибералов ныне называют также «коллоквиумом Липпмана» из-за созвучности одобренных на конференции принципов неолиберализма с положениями изданной в том же году американским экономистом А. Уолгером Липпманом книги под названием «Свободный город». Суть одобренных в Париже общих принципов неолиберального движения сводилась к провозглашению необходимости государственного содействия в возвращении правил свободной конкуренции и обеспечении их выполнения всеми хозяйствующими субъектами. Условие приоритета частной собственности, свободы сделки и свободных рынков могло быть пересмотрено действиями государства лишь в экстремальных случаях (война, стихийное бедствие, катастрофа и т. п.).

Теоретикам неолиберализма ФРГ принадлежит идея сочетания принципа «свободы рынка» и справедливого распределения по принципу «социального выравнивания». Впервые ее концептуально изложил А. Мюллер-Армак в своей книге «Хозяйственное управление и рыночное хозяйство» (1947), в которой также

впервые использовал термин «социальное рыночное хозяйство». Разработки в этом направлении были продолжены В. Рёпке, Л. Эрхардом, В. Ойкеном и др. При этом о создании модели «социального рыночного хозяйства» в качестве главной задачи экономической политики страны было заявлено самим канцлером ФРГ К. Аденауэром в предисловии к книге В. Рёпке «Правильна ли немецкая экономическая политика?» (1950).

Л. Эрхард подчеркивал, что именно «свободное соревнование является прежде всего основным элементом социального рыночного хозяйства». Доктрина «сформированного общества», по его мнению, — это поиск лучшего «естественного экономического порядка», который возможно достичь через создание «социального рыночного хозяйства». В ней категорически отрицаются марксистские идеи о пяти формах (типах) общественного строя и производственных отношений и об антагонизме классов. Она основана на положении В. Ойкена о том, что человеческому обществу присущи только два типа экономики [4, с. 19]: «централизованно управляемая» (тоталитаризм) и «меновая экономика» (по другой терминологии — «свободное, открытое хозяйство»), а также на идее о сочетании этих типов экономики с преобладанием признаков одного из них в конкретных исторических условиях.

Лидер Чикагской школы М. Фридмен и его коллеги на основе исследований вокруг «конструкции» кривой Филлипса пришли к заключению, что эта кривая далеко не стабильна, особенно с учетом ситуации в экономике многих стран мира в конце 1960-х гг., когда рост инфляции, вопреки «логике» этой кривой, сопровождался не снижением, а ростом безработицы, и затем — в начале 1970-х гг. — наблюдался даже одновременный рост и инфляции, и безработицы.

М. Фридмен предпринял попытку возродить приоритетное значение денег, денежной массы и денежного обращения в экономических процессах. Новизна не-

ортодоксальной концепции государственного вмешательства в экономику, по Фридмену, состоит в том, что оно, в отличие от кейнсианской концепции, ограничивается жесткой денежной политикой. Последняя тесно связана с фридменовской «естественной нормой безработицы», достигаемой посредством постоянного и стабильного темпа роста количества денег в размере 3–4 % в год независимо от состояния конъюнктуры (учитывая средние темпы роста валового национального продукта США за ряд лет, по которым устанавливается максимально возможный уровень национальной экономики).

Концепция М. Фридмена о «естественной норме безработицы» (ЕНБ) основывается как на институциональных, так и на законодательных детерминантах (имея в виду под первыми, например, профсоюзы, а под вторыми — возможность, к примеру, принятия закона о минимальном уровне заработной платы). Она позволяет обосновывать минимальный уровень безработицы, при котором в течение определенного периода времени инфляция будет невозможна. По мнению М. Блауга, «ЕНБ, к которой постоянно возвращается экономика, — это современная монетарная версия старой классической доктрины строго пропорционального отношения между количеством денег и ценами в долгосрочной перспективе; “якорь”, который удерживает процентную ставку в устойчивом положении...» [1, с. 640].

Во многих отраслях науки, в том числе экономической, сложилась всемирная традиция оценивать достижения лучших исследователей как некий Олимп, то есть вершину сегодняшних — неортодоксальных — научных познаний и достижений. Начало этой традиции положила, как известно, Шведская академия наук, для которой Шведский национальный банк еще в начале нынешнего столетия учредил специальную памятную премию имени Альфреда Нобеля. И если первоначально Нобелевские премии

присуждались лауреатам прежде всего в области естественных наук, то впоследствии эти границы существенно расширились. В частности, в 1968 г. — в год 300-летия существования Шведского национального банка, последним была учреждена Нобелевская премия и в области экономических наук, а с 1969 г. началось ее непосредственное присуждение.

Первыми лауреатами Нобелевской премии по экономике в 1969 г. стали два экономиста-математика — голландец Ян Тинберген и норвежец Рагнар Фриш, заслугой которых признана разработка математических методов анализа экономических процессов (рис. 5).

Рис. 5. Нобелевские лауреаты по экономике — Олимп современной экономической науки

С тех пор подобного мирового признания были удостоены свыше 70 ученых, в число которых вошли

представители многих стран, включая одного представителя России — советского академика Л. В. Канторовича. Знакомство же с творческим ростом и научными трудами Нобелевских лауреатов по экономике весьма целесообразно и позволяет современным исследователям лучше представить себе и в некоторой степени осмыслить особенности современного — неортодоксального этапа эволюции мировой и отечественной экономической науки.

Проблемы преодоления ортодоксии в экономической науке Нобелевские лауреаты, как правило, тесно связывают с выявлением «секретов» бескризисного экономического цикла. В частности необходимость их правильного решения, как пишет в первом томе своего всемирно известного учебника «Экономикс» Нобелевский лауреат П. Самуэльсон, побуждает «современные демократические страны», располагающие «как фискальными и кредитно-денежными инструментами, так и политической возможностью, использовать их, чтобы преодолеть хронические резкие спады и “галолирующие” инфляции. Это приводит нас, — заключает он, — к неоклассическому синтезу — классические принципы ценообразования, изложенные в дальнейших главах, подтверждаются успешным использованием инструментов, анализируемых в предшествующих главах» [5, т. 1, с. 308].

Этот тезис П. Самуэльсон развивает затем во втором томе того же учебника, прибавив к вышесказанному следующее: «Полагая, что достижение более или менее стабильной полной занятости является вполне осуществимой задачей, современные экономисты могут использовать концепцию “неоклассического синтеза”, основанную на сочетании современных принципов, объясняющих процесс образования доходов, и положений классической политической экономии» [5, т. 2, с. 211]. Следовательно, по Самуэльсону, «неоклассический синтез» — это, по существу,

сочетание современных, неокейнсианских и неолиберальных положений и «истин» с предшествовавшими им ранними неоклассическими, а также с некоторыми постулатами классической политической экономии прежде всего в связи с неортодоксальными «современными теориями формирования доходов».

Таковы некоторые аспекты теоретико-методологических нововведений институционализма и неоклассицизма, благодаря которым в XX столетии экономическая наука преодолела ортодоксальные начала в своем развитии.

Список использованной литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. — 4-е изд. — М. : Дело Лтд, 1994. — 688 с.
2. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1979.
3. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // Антология экономической классики : в 2-х т. / сост. и авт. предисл. И. А. Столяров. — М. : Эконом, 1993. — Т. 2. — С. 137–432.
4. Ойкен В. Экономические системы / В. Ойкен // THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Т. 1, вып. 2 : Структуры и институты. — С. 18–52.
5. Самуэльсон П. Экономика : в 2 т. / П. Самуэльсон ; пер. с англ. — М. : Алгон, 1992. — Т. 1. — 333 с. ; Т. 2. — 415 с.
6. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли : пер. с англ. / Б. Селигмен ; общ. ред. и вступит. ст. А. М. Румянцева, Л. Б. Альтера, А. Г. Милейковского. — М. : Прогресс, 1968. — 600 с.
7. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридмен // THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1994. — Т. 2, вып. 4 : Научный метод. — С. 20–52.
8. Хайек Ф. А. Дорога к рабству: пер. с англ. / Ф. А. Хайек ; предисл. Н. Я. Петракова. — М. : Экономика, 1992. — 176 с.
9. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука / Р. Л. Хайлбронер // THESIS : теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Т. 1, вып. 1 : Предмет исследования. — С. 41–55.

Информация об авторе

Ядгаров Яков Семенович — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической истории и истории экономических учений, Финансовый университет при Правительстве РФ, 101000, г. Москва, пер. Малый Златоустинский, д. 7, стр. 1, e-mail: yakovyadgarov@mail.ru.

Author

Yadgarov, Yakov Semenovich — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Economic History and History of Economic Thought, Financial University under the Government of the Russian Federation, 7, building 1, Small Zlatoustinsky lane, Moscow, 101000, e-mail: yakovyadgarov@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Ядгаров Я. С. Преодоление ортодоксии в экономической науке XX столетия в контексте нововведений институционализма и неоклассицизма / Я. С. Ядгаров // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 3. — С. 439–463.

Reference to article

Yadgarov Ya. S. The overcoming of XX century economic science' orthodoxy through the prism of institutionalistic and neo-classical innovations. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 439–463.